

РУССКИЙ МИР

Н. В. Станкевич: «Человек выше всего...»

А. Н. СВАЛОВ

(РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ)*

Статья посвящена особенностям философского и этического рассмотрения проблематики человека Н. В. Станкевичем — одним из наиболее ярких представителей «образованного дворянства» России 1830-х годов.

Ключевые слова: кружок Станкевича, реальный и «совершенный» человек, воспитание и самовоспитание.

N. V. Stankevich: «Human Being Is Higher Than Anything...»

A. N. SVALOV

(RUSSIAN STATE ARCHIVE OF SOCIAL AND POLITICAL HISTORY)

The article covers the features of philosophical and ethical consideration of problems of human being by N. V. Stankevich — one of the most prominent representatives of the “educated nobility” of Russia of the 1830s.

Keywords: Stankevich circle, real and perfect human being, upbringing and self-education.

Имя Николая Владимировича Станкевича (1813–1840) обыкновенно вспоминают, когда речь заходит о молодых российских интеллектуалах последекабристской поры. Вспоминают, имея в виду, прежде всего, московский кружок, который начал формироваться вокруг Станкевича зимой 1831/1832 г. История кружка, продолжавшего собираться, хотя не регулярно, и после отъезда Станкевича летом 1837 г. за границу, вплоть до конца 1830-х годов, — это, прежде всего, история напряженных поисков его участниками места и назначения человека в окружа-

щем мире, своих жизненных ориентаций. Либерал-государственник Б. Н. Чичерин называет кружки 1830-х годов «легкими, которыми в то время могла дышать сдавленная со всех сторон русская мысль». «И сколько в этих кружках было свежих сил, какая живость умственных интересов, как они сближали людей, сколько в них было поддерживающего, ободряющего, возбуждающего!» (Чичерин, 1997: 19).

Кружок Станкевича, будучи неформальным дружеским сообществом, имел синкретический характер и сыграл роль своего ро-

* Свалов Александр Николаевич — кандидат исторических наук, ведущий специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), академик Академии социальных наук. Тел.: (495) 229-97-26. Эл. адрес: rchidni1@online.ru.

да подготовительной школы для последующего развития основных течений общественной мысли России. П. В. Анненков справедливо отмечал: «Зародыши различных и противоборствующих мнений уже находились в нем (в кружке Станкевича. — А. С.)... но зародыши эти еще не приходили в брожение и таились до поры до времени за дружеским обменом мыслей, за общностью научных стремлений» (Анненков, 1989: 112–113). В самом деле, с кружком Станкевича связаны страницы биографии таких разных в дальнейшем мыслителей и общественных деятелей, как славянофил К. С. Аксаков, западник В. П. Боткин, «революционный демократ» В. Г. Белинский (возможно, Станкевичу он обязан емкой характеристикой «неистовый Виссарион»), социалист-анархист М. А. Бакунин, консервативный монархист М. Н. Катков...

Несомненная заслуга Станкевича в том, что он создал обстановку свободного интеллектуального и духовного поиска, выступая, по общему признанию, «душой», «огромной субстанцией» кружка. И в этом одно из проявлений его человекопонимания, ибо, согласимся, «служить связью, центром целого круга людей — огромное дело, особенно в обществе разобщенном и скованном» (Герцен, 1956: 11). По словам И. С. Тургенева, Станкевич «оттого так действовал на других, что сам о себе не думал, истинно интересовался каждым человеком и, как бы сам того не замечая, увлекал его в область Идеала» (Тургенев, 1963: 394). Возникают, однако, вопросы: только ли за это, за подготовительную школу, каковой стал кружок, мы должны ценить Станкевича? Только ли за то, что он увлекал других «в область Идеала», выступая деятельным участником их развития? Вопросы отнюдь не случайные, поскольку долгое время в научной и популярной литературе акцент ставился именно на значение кружка Станкевича, его же собственные взгляды рассматривались достаточно скупой¹. Станкевич как самостоятельный мыслитель во многом заслонялся именитыми выходцами из кружкового «гнезда».

Определенная трудность для исследователя состоит в том, что Станкевич не оставил после себя значительного наследия, — к систематизации собственных взглядов он был не склонен; о них приходится судить по отдельным фрагментам незаконченных произведений и, главным образом, по обширной переписке² и воспоминаниям современников. Тем не менее можно утверждать, что именно *проблематика человека как объекта философского и этического рассмотрения* была в центре его внимания. Во многом благодаря Станкевичу она вышла на передний план и в кружке в целом.

Обратимся к раннему философскому фрагменту Станкевича «Моя Метафизика»³, который он направил своему ближайшему другу Я. М. Неверову весной 1833 г. (см. об этом: Велижев). По нашему мнению, в нем содержатся, хотя и в сжатом виде, основные подходы Станкевича к проблематике человека. Вдохновленный в то время творчеством немецких романтиков и отчасти философией В. Ф. Шеллинга, Станкевич одухотворяет природу, которой присущи «Сила, Жизнь, Творчество». При этом, что вполне понятно, человеку отводится место в центре природы, в пространстве которой как бы растворено Разумение. Но такой констатации Станкевичу явно недостаточно. Он провозглашает, что «...человек, венец создания, есть повторение всей природы, он есть повторение разумной жизни» [...] «Человек выше всего, ибо он есть вся жизнь». И далее поясняет: человек «может возвышаться над видимым; он может восходить к Разумению, отождествляться (s'identifier) с ним, он может проникнуть [в] его законы, провидеть его цели, чувствовать красоту создания; он может верить, надеяться и любить. *Верить*, ибо законы его творца непреложны... *надеяться*, [ибо] все цели Его — благо; любить, ибо Он (разум, творец) прекрасен в своем создании: прекрасен в своем образе — человека» (Станкевич, 2008: 154). В этом фрагменте Станкевич поднимает и тему любви в философском аспекте⁴. В любви — «средобежной силе» природы — сливаются воеди-

но «разум, воля и чувство», она возвышает человека, помогает ему проявить себя. «...Человек только тогда все познает, когда любит, и кто любит, тот действует прекрасно». Через любовь человек приобщается к Разумению, ею примыкает «последнее звено творения к началу» (Там же: 156–157). Автор «Моей Метафизики» выдвигает и другое положение, к которому позднее будет возвращаться многократно: «взаимные отношения людей должны очистить, образовать совершенного человека...». «Отсюда, — пишет он, — несомненная, хотя и не новая истина: жизнь рода человеческого есть его воспитание» (Там же: 157). Свои размышления с оптимистическим настроением Станкевич намеревался продолжить, но новые тексты в «Моей Метафизике» не появились.

Станкевич и в последующем постоянно искал ответы на вопросы о понимании места и назначения человека, содержания его целостного бытия. В этом отношении весьма показательна философическая повесть «Несколько мгновений из жизни графа Т***» (1834), в которой явно проявляются автобиографичные мотивы. Герой повести — человек с пылкой душой, открытой «миру и людям». Приехав в столицу из деревни и явившись обществу, он жаждет не крестов и не чинов, а познаний, с помощью которых можно «удовлетворить святому стремлению к истине». Окончив университетский курс, он смело и неуклонно постигает разные научные «системы». Однако «леденящие сомнения» не покидают его. Только ли в познаниях путь к истине? Читатель узнает, что молодой граф отказывается посвятить жизнь свою только наукам; он встает на путь честной и трудной практической деятельности, чтобы быть в обществе «олицетворенною справедливостью, водворяя вокруг себя благо». Однако болезнь души не проходила. И вот уже свое душевное обновление, приобщение к ценностям жизни герой повести начинает видеть в любви и искусствах — «представителях неба на земле» (См. текст повести там же: 140–152). В раздумьях и поступках молодого графа выражен поиск

жизненных и духовных ориентаций самого Станкевича. Однако подчеркнем: при всех этих поисках исходным и аксиоматичным выступало положение о том, что совершенствование человеческого бытия невозможно без совершенствования человека, без пробуждения в его душе стремления к естественной и более осмысленной жизни.

Станкевич всегда сохранял повышенный интерес к философии (начиная, по крайней мере, с 1831 г.), несмотря на разочарования в полноте положений тех или иных «систем». Причем с пониманием человека, его назначения и ответственности, с возможностями его экзистенциального самораскрытия Станкевич увязывает задачи философии как науки «божественно-земных откровений». «Я не думаю, что философия окончательно может решить все наши важнейшие вопросы, но она приближает к их решению; она зиждет огромное здание, она показывает человеку цель жизни и путь к этой цели, расширяет ум его» (Там же: 208), — заявляет он в послании М. А. Бакунину от 24 ноября 1835 г.

В общем контексте духовных и интеллектуальных исканий Станкевич обращался и к религиозной проблематике. При этом его интересуют в первую очередь возможности религии и философии, веры и разума в познании мира и человека — «последнего высшего звена в цепи создания» (Там же: 235–236). Он убежден, что без религии «нет человека», без нее невозможно постичь саму суть и полноту жизни: «Какой свет восходит для души, примеряющейся с Божеством посредством уставов религии! Вся природа обновляется; тяжелые нравственные вопросы, не разрешимые для ума, решаются без малейшей борьбы; жизнь снова одевается в радужные ткани, становится прекрасною и высокою!» (Переписка, 1914: 283). Но наряду с этим высказыванием имеется и другое: «упрочить религию может одна философия» (Там же: 338), ибо она показывает возможности и пределы человеческого разума в постижении Разумения. Для Станкевича несомненна значимость разума, но он при-

знает, что не все ему подвластно. Об этом свидетельствуют и строки из его письма Белинскому от 30 октября 1834 г.: «...Одна вера, одна религия... в состоянии наполнить пустоту, вечно остающуюся в человеческом знании. Но та система хороша, которая не мешает верованиям, составляющим интегральную часть человеческого существа, и содержит побуждение к добрым подвигам!» (Станкевич, 2008: 187). Однако и религия с ее ощущением таинства жизни должна не опровергать или принижать, а подтверждать могущество человеческого ума, который тоже есть Божественное порождение. Небезынтересен в этой связи пассаж из письма Неверову от 21 сентября 1836 г.: «Да и чем передается тебе религия? Не умом ли! Разве верование не есть мысль, мысль, одобряемая целым разумением, которое невольно и безотчетно сознает свое единство с нею?» (Переписка, 1914: 365).

Обратим внимание, что в своих философско-этических воззрениях Станкевич использовал понятие «*нормального человека*». Под этой метафорой, выступающей синонимом другой — «*совершенного человека*», он имеет в виду человека, который является носителем подлинно человеческой сущности, предопределенной Разумением. К таковой ценностной сущности и призван стремиться конкретный, реальный человек, преодолевая свои «низшие свойства», главным из которых, как можно судить по высказываниям Станкевича, является эгоизм. Поэтому жизнь отдельного человека должна быть нацелена на преодоление разрыва с общечеловеческим началом, на приближение к «всеобщей жизни», т. е. Разумению. Отсюда столь значимый вывод Станкевича: «Человек должен равняться самому себе» (Станкевич, 2008: 157). Из природных образований только ему принадлежит способность «знать, надеяться, любить». А потому (сошлемся вновь на «Мою Метафизику») «разум, воля и чувство — три действительные направления человеческой жизни, которые он переносит в жизнь всеобщую» (Там же: 156). На них можно и нужно опираться, осмысливая свое

бытие и продвигаясь к состоянию «нормального человека».

У Станкевича нравственные и интеллектуальные требования, вытекающие из метафоры «нормального», или «совершенного человека» (одухотворенность, способность к любви и дружбе, простота, стремление к истине, знаниям, и др.), достаточно реалистичны, и, главное, они вполне достижимы, пусть и в относительной степени. В сентябре 1834 г. Станкевич писал Неверову: «...Постепенное воспитание человечества есть одно из сладчайших моих верований. И как отрадно видеть его в согласии с бытием природы, с сущностью человеческого знания, человеческой воли!» (Там же: 185–186). Это высказывание требует пояснения. Станкевич отнюдь не выступал неким космополитом-утопистом, заботящимся о воспитании всего человечества. Таковое воспитание он опять-таки связывает с усвоением человеком своего родового, общечеловеческого начала. «Если бы каждый из нас, — пояснял Станкевич, — вместо человека стал бы человечеством — не о чем было бы печалиться. Но возможность этого существует для нас в некоторой степени» (Станкевич, 2008: 27).

Отметим, однако, что «родовую сущность» человека Станкевич не противопоставлял его «божественной» и «естественно-природной» сущности; они неотъемлемо связаны между собой. «Родовая сущность» человека — это его подлинная сущность, предопределенная Разумением. Поэтому вряд ли оправданно стремление современного исследователя Б. Т. Удодова возвести выводы Станкевича о том, что для человека жизнь «иначе невозможна, как жизнь в обществе», в некую новую концепцию человеческой «родовой сущности», которая якобы вызревала у интересующего нас мыслителя. Отметим также, что вопреки выводу этого автора, Станкевич не увязывал «формирующуюся (? — А. С.) родовую сущность человека» с «усвоением им общечеловеческого исторического опыта» (Удодов, 2008: 27), — таковой опыт вообще не был предметом его значимых обобщений.

Реальный человек, осознавший свое предназначение, должен «сам создавать себя, он должен идти вперед» (Станкевич, 2008: 208). Это положение исключительно важно. Человек у Станкевича, прежде всего, *субъект самовоспитания*. От собственных усилий, направленных на преодоление своей ограниченности, эгоизма, на приобщение к любви — «основному чувству природы», зависит его продвижение к состоянию «нормального человека». Таким образом, Станкевич поднимает актуальную и в настоящее время проблему личностного самовоспитания, самосоциализации, можно сказать, самодобраивания человека как макрокосма в своем микрокосме. И здесь одна из разгадок «феномена Станкевича»: чуждый фальши, любования собой, склонный к строгой самооценке, он как раз и воплощал в глазах современников образ реального человека, который стремился постоянно внутренне обогащать, совершенствовать себя, продвигаясь к состоянию «нормального человека», к любви и единению с другими людьми сейчас, в конкретной действительности.

Сам же он, ориентируясь на высокие идеалы, зачастую не был удовлетворен собой, искренне полагая, что ему недостает духовной энергии и воли. Действительно, сильным характером Станкевич не отличался. К жизненным коллизиям приводили и обычные человеческие проявления, среди которых заметное место занимали любовные, в том числе интимные переживания. Достаточно напомнить о его отношениях с сестрами Михаила Бакунина, столь знаменитого в будущем товарища по кружку. Со старшей, Любовью, Станкевич был обручен, но так и не стал ее супругом, сославшись на свою душевную неполноту, неготовность к идеальной любви, без которой брак — величайший грех против духа (Бакунин был вполне согласен с таким объяснением). На руках другой сестры — Варвары он, больной туберкулезом легких, умер 25 июня 1840 г. в итальянском городке Нови.

С пониманием и воспитанием «нормального человека» тесно увязаны и многие аспек-

ты философской эстетики Станкевича (Манн, 1998: гл. 6; Уткина, 2004). «В искусстве, в изящном творчестве человек уравнивается с абсолютным; он возвращается в первоначальное тождество...» (Переписка, 1914: 585). Отсюда, в частности, посыл, что искусство должно просветлять человека жаждой совершенного, божественного, абсолютного, способствовать его «полному разумению» себя. Но это совершенное не терпит фальши, нарочитого эффекта, и поэтому в эстетике Станкевича в качестве важнейших критериев выступают «естественность», «простота», жизненная и художественная. Не случайны, например, его критические оценки игры актера В. А. Каратыгина, литературных произведений В. Г. Бенедиктова, А. А. Бестужева-Марлинского, Н. В. Кукольника, в которых он находил проявления «искусственности», «ходульности», «велеречивости». Как и, напротив, высокая оценка Н. В. Гоголя, произведения которого — «истинная поэзия действительной жизни» (Станкевич, 2008: 205). В прямом полете к прекрасному Станкевич всегда хотел удерживать свою душу.

Важно иметь в виду, что социальная действительность с ее противоречиями и проблемами, особенно в общественно-политических аспектах, интересовала Станкевича меньше всего (Свалов, 2009: 18–19). Мир и человек в бытийной подлинности и полноте, а не общество всегда были в центре его внимания. Этот вывод не опровергнуть и его увлечением универсальной философией Г. Гегеля после отъезда за границу. Не забудем, что в любых проявлениях действительности (не абстрактной, а реальной в своем многообразии), по мнению Станкевича, живет Разумение. Для него была исключена сама постановка вопроса о том, что действительность в ее бытии может быть не истинной.

Мы обращаем на это внимание, поскольку даже в серьезных публикациях встречаются положения о наблюдавшейся у Станкевича тенденции к «практическим выводам из гегелевской философии», о том, что у него, как и у других товарищей по кружку, «жажда познания» совпадала с «жаждой деяния»

(Елизаветина, 1982: 8). О других кружковцах мы здесь писать не будем, но что касается Станкевича, то общая направленность жизни мыслителя, ее интенциональность преимущественно как раз и сводились к «жажде познания» и духовного творчества — в этом он видел свое жизненное «деяние». Занятия философией (а также историей, но в меньшей мере) как раз и были «увлечением поверх всех других дел». И сам Станкевич прекрасно осознавал несклонность и неготовность «осуществлять себя» в практическом, «внешнем» активизме⁵, ограничиваясь в разные годы вариантами, что он мог бы служить, например, в архиве или заниматься в качестве просвещенного помещика «устройством деревни». Заметим также, что в метафоре «нормального», совершенного человека мы не увидим у Станкевича никаких слагаемых социально активного человека. Уже другие люди, из поколения 1840-х годов, включая Белинского, выдвинут на смену метафоре «нормального человека» новую — «*действительного человека*». Умеющего, в частности, воспринимать и осмысливать с позиций реализма — хотя и по-разному — «открытое море действительности», проявлять себя в нем.

Отмеченное ни в коей мере не умаляет заслуг Станкевича как яркого представителя «образованного дворянства» в утверждении свободомыслия, в возвышении человека, значимости его интеллектуальной и духовной жизни. Будем надеяться, что в современной России появятся «новые Станкевичи», которые, определяя свои ценностные жизненные ориентации и стратегии, повторят слова: «Человек выше всего...», наполнив их новым содержанием, отвечающим сложным, противоречивым и не всегда понятным реалиям нашего века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Одним из первых на необходимость внимательного изучения взглядов Станкевича обратил внимание К. П. Архангельский. Вместе с тем, значительная доля преувеличения видится в итоговом выводе автора о том, что «гени-

альность» Станкевича, «свойства и характер» ума Станкевича резко выделяли его «из среды, даже исключительного по наличию замечательных дарований кружка» (Архангельский, 1926: 109). Нет никаких особых оснований как-то возвышать умственные способности Станкевича, силу его разума, если говорить языком той эпохи. Да и зачем это?

² Первое издание переписки было подготовлено П. В. Анненковым (Николай Владимирович Станкевич, 1857). Имеется и другое, более полное издание, подготовленное племянником Н. В. Станкевича (Переписка, 1914), которое используется в нашей статье. В этом издании опубликовано 346 писем Станкевича.

³ В литературе высказывается мнение, что этот текст имел авторское название «Моя религия», которое не было пропущено цензурой. Более ранний вариант известен под названием «Моя метафизика», пропущенным цензурой. Этот ранний вариант, созданный в 1832 г., не сохранился (Велижев: 2008).

⁴ «Философия любви» Станкевича в ее различных аспектах — интересный, но малоизученный сюжет, который требует отдельного рассмотрения.

⁵ Напомним в этой связи, что с июля 1835 по июнь 1837 г. Станкевич был почетным смотрителем Острогожского уездного училища. Первоначальный энтузиазм полезной деятельности у него быстро угас, так что весомых результатов в этой должности им достигнуто не было.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анненков, П. В. (1989) Литературные воспоминания. М.: Правда.
- Архангельский, К. П. (1926) По поводу первой биографии Н. В. Станкевича // Труды Воронежского гос. ун-та: пед. факультет. Воронеж. Т. III. С. 95–100.
- Велижев, М. Б. (2008). «Моя Метафизика» Н. В. Станкевича: к истории текста // Рус. лит-ра. № 2. С. 102–105.
- Герцен, А. И. (1956) Собр. соч. Т. 9. М.: АН СССР.
- Елизаветина, Г. (1982) Н. В. Станкевич и его духовное наследие // Станкевич, Н. В. Избранное. М.: Сов. Россия. С. 2–24.

- Манн, Ю. В. (1998) Русская философская эстетика. М. : Изд-во МАЛП.
- Николай Владимирович Станкевич. Переписка и биография его, написанная П. В. Анненковым (1857). М. : Тип. Каткова и К°.
- Переписка Николая Владимировича Станкевича, 1830–1840 (1914). М. : Редакция и издание Алексея Станкевича.
- Свалов, А. Н. (2009) Мыслящая Россия. М. : Экон-Информ. С. 6–20.
- Станкевич, Н. В. (2008) Избранное. Воронеж : Изд-во Центр духовного возрождения Черноземного края.
- Тургенев, И. С. (1963) Полн. собр. соч. Т. 6. М. ; Л. : АН СССР.
- Удодов, Б. Т. (2008) «Человек должен сам себя создавать» // Станкевич, Н. В. Избранное. Воронеж : Изд-во Центр духовного возрождения Черноземного края. С. 3–32.
- Уткина, Е. В. (2004) Развитие философско-эстетических идей в кружке Н. В. Станкевича : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Моск. пед. гос. ун-т. М.
- Чичерин, Б. Н. (1997) Москва сороковых годов : [Мемуары] / Вступ. статья и коммент. Т. Ф. Пирожковой. М. : МГУ.